

К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства*

Коростелёв С. В.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Целью настоящей статьи является устранение методологических разночтений в определении проблемы «гибридного» применения силы и возможности использования данного конструкта при вмешательстве во внутренние дела государств.

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они *комбинированно и синхронизированно* (как часто определяется в настоящее время — «гибридно» применяют доступные им средства понуждения и принуждения). В общем случае концептуально «гибридную войну» можно описать как «синхронизированное использование множественных инструментов национальной мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов.

Состояние современной среды безопасности привело к увеличению количества сфер столкновения интересов акторов, сложности и динамичности конфликтов, непредсказуемости их исходов. Формирование практики присвоения международной ответственности и развитие обеспечивающих ее международных институтов происходило постепенно и, в конечном итоге, привело к такому развитию международной среды безопасности, которое сделало обращение к «гибридности» для продвижения национальных интересов в процессе политической конкуренции за власть социальных групп или отдельных лиц с несовпадающими интересами неизбежным.

Проблема терминологии является одним из основных препятствий для четкого осмысления действия конструкта «гибридности» в политической конкуренции. Активное использование пропагандой определения «гибридный» в сочетании с терминами «война», «угрозы», «боевые действия в серой зоне», «операции», «тактика», «соревнование», не переходящее в состояние войны» привело к значительной запутанности в современном политическом дискурсе, поскольку данные термины практически никогда не увязаны с определением органами государственной власти желаемого для них состояния международных отношений. А если речь идет об исходе столкновения интересов акторов в соревновании или конфликте, то такое желаемое состояние «исторически» определяется термином «победа».

Таким образом, определение содержания состояния «победа» является необходимой отправной точкой для начала анализа возможностей обращения к каждому из инструментов национальной мощи в «гибридном» противостоянии.

Ключевые слова: интервенция; вмешательство; гибридное применение силы; понуждение; принуждение; среда безопасности; миротворчество; поддержание мира; цели, формы и способы интервенции/вмешательства

Для цитирования: Коростелёв С. В. К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 33–47.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00156 А) «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

On Qualification of the Phenomenon of Hybridism of the Use of Force and the Problem of Interference in Internal Affairs of a State

Stanislav V. Korostelev

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Saint Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to eliminate methodological discrepancies in the definition of the problem of "hybrid" use of force and the possibility of using this construct when interfering in the internal affairs of states.

In any conflict situation, the behavior of states in moving towards their national goals can be explained through how they do combine and synchronize (as it is often defined at the present time — «hybrid») the use of means of compellence and coercion available to them. In general, conceptually «hybrid war» can be described as «the synchronized use of multiple instruments of national power, specially selected to obtain mutually reinforcing effects on specific vulnerabilities across the entire spectrum of social processes».

The substance of the modern security environment has led to an increase in the number of areas of conflict of interests of actors, the complexity and dynamism of conflicts, and the unpredictability of their outcomes. The formation of the practice of attribution of international responsibility, and the development of the international institutions supporting it, took place gradually and, ultimately, led to such a development of the international security environment, which made an appeal to «hybridity» to promote national interests in the process of political competition of social groups or individuals with divergent interests for power inevitable.

The problem of terminology is one of the main obstacles to a clear understanding of the operation of the «hybridity» construct in political competition. The active use of the definition «hybrid» by propaganda in combination with the terms «war», «threats», «hostilities in the gray zone», «operations», «tactics», «competition does not turn into a state of war» political discourse, since these terms are almost never linked to the definition of the desired state of international relations by the state leadership. And if we are talking about the outcome of the collision of interests of actors in competition or conflict, then this desired result is «historically» defined by the term «victory».

Thus, the definition of the substance of «victory» is a necessary initial point to onset analyzing the possibilities of turning to any of the instruments of national power in a «hybrid» confrontation.

Keywords: intervention; interference; hybridism of the use of force; compellence; coercion; security environment; peacebuilding; peacemaking; objectives, forms and methods of intervention / interference

For citing: Korostelev S. V. On Qualification of the Phenomenon of Hybridism of the Use of Force and the Problem of Interference in Internal Affairs of a State // Administrative consulting. 2021. No. 12. P. 33–47.

Политике можно дать определение как процессу конкуренции за власть социальных групп или отдельных лиц с несовпадающими интересами. В обеспечении такого процесса постоянно происходит описание, объяснение и предсказание событий политической действительности, т. е. производится поиск ответов на вопросы «кто», «где», «что», «когда» и «каким образом» получает в этом мире. Одним из «каким образом получает?» является применение силы, в том числе вооруженной. Вооруженное и другие формы прямого или косвенного применения силы, угрожающего суверенной правосубъектности и политической независимости государств, всегда получают оценку в межгосударственной практике, а если применение силы выходит за рамки парадигмы Устава ООН — государству-нарушителю присваивается международная ответственность [2].

Силовые средства, находящиеся в арсенале международных акторов, могут быть с высокой степенью условности разграничены на «применение силы» (принуждение)

с использованием средств и методов ведения военных действий и «понуждение» — воздействие на акторов с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств [1, с. 9]¹.

В «Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»² (1981 г.) используются два термина «intervention» и «interference» без установления между ними каких-либо формальных границ. Это приводит к тому, что оба термина зачастую переводятся тождественно как «вмешательство».

«Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета»³ (1965 г.) разделяет виды вмешательства intervention в общем смысле на вооруженное вмешательство armed intervention (определяя его как синоним «агрессии») и все другие формы прямого или косвенного вмешательства interference. Также из текста данной декларации можно выделить обращение к терминам, таким как «прямое вмешательство» (direct intervention), «подрывные действия» (subversion) и «все формы косвенного вмешательства» (indirect intervention).

Для целей данной статьи предлагается проводить разделение форм вмешательства «на применение силы (вмешательство с использованием методов и средств ведения военных действий)» — для термина «intervention», и «вмешательство с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств» — для термина «interference».

Так же представляется возможным предположить, что за исключением «военных» средств, все иные средства достижения национальных целей, в широком смысле, могут быть определены как средства ведения «политической войны»⁴, поскольку последствия их применения не имеют явных и мгновенно обнаруживаемых последствий, таких как разрушения, человеческие жертвы, потоки беженцев, ущерб окружающей среде и т. д.

Определение «гибридности» применения силы

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они комбинированно и синхронизированно (как часто определяется в настоящее время — «гибридно» [7]) применяют доступные им средства понуждения и принуждения. В общем случае концептуально «гибридную войну» можно описать как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре

¹ Также предлагается определять при использовании англоязычных текстов «принуждение» как «coercion», «понуждение» как «compellence».

² Документ ООН A/RES/36/103 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.08.2021). См. п. 1: Ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме и по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств.

³ Документ ООН A/RES/2131(XX) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml (дата обращения: 20.08.2021). См. п. 1: Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого осуждаются не только вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов.

⁴ См.: Kathleen J. McInnis, Martin A. Weiss. Strategic Competition and Foreign Policy: What is “Political Warfare”? IF11127. March 8, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://crsreports.congress.gov> (дата обращения: 20.08.2021).

общественных процессов, а данная парадигма описывается аббревиатурой MIDFIELD¹: военные (military), информационные (informational), дипломатические (diplomatic), финансовые (financial), разведывательные (intelligence), экономические (economic), правовые (law), предоставление поддержки (development) [2, с. 469]. Таким образом, как «гибридные» могут определяться лишь системные действия государственного механизма в целом, но ни в коем случае — действия одного-двух элементов национальной мощи. Соответственно, политика как процесс является, прежде всего, искусством комбинации и синхронизации использования доступных инструментов национальной мощи для получения синергетических эффектов в полном спектре общественных процессов при движении к национальным целям.

Является ли проблема «гибридности» новой для международных отношений? Очевидным ответом является «нет». Гибридная война — это не новая и неизбежная проблема, характерная именно для современной стратегической среды взаимодействия в сфере безопасности. В истории человечества не было ни одной войны, которую можно было бы определить «негибридной».

В качестве иллюстрирующего примера можно рассмотреть факт торговли нейтральной Испании с воюющими сторонами в ходе Второй мировой войны. Нейтралитет этого государства был выгоден всем — как самой Испании, переживавшей последствия гражданской войны, так и воюющим сторонам: Испания была в то время единственным крупным поставщиком вольфрама на мировом рынке, но в то же время обладала чрезвычайно протяженной береговой чертой, и ее вступление в войну, или ее оккупация одной из воюющих сторон, привела бы к стратегическому перенапряжению воюющих, поскольку ведение войны против такого государства или его оборона были бы чрезвычайно затратными. Например, в случае установления контроля над ее ресурсами, Германия вынужденно бы «поворачивалась спиной» к Советскому Союзу. А для союзников по антигитлеровской коалиции задача обеспечения военных действий при длинных и небезопасных коммуникациях через Атлантику также была бы слишком затратной. Сторонам было намного выгоднее сохранить Испанию в качестве нейтрального источника поставок чрезвычайно необходимого для военной промышленности сырья. Таким образом, на территории Испании осуществлялось экономическое соревнование — стратегический материал продавался за наибольшую цену, которую могли бы предложить воюющие [3, с. 218–221; 8, с. 253].

Также в качестве примера политического маневрирования в ходе Второй мировой войны можно исследовать экономическое сотрудничество СССР и Японии. После начала боевых действий в Европе советское правительство, желая избежать войны на два фронта, заключило в апреле 1941 г. с правительством Японии Пакт о нейтралитете². Япония, даже после нападения на США и последовавшего объявления Германией войны Соединенным Штатам, продолжала разрабатывать ресурсы на советской территории Сахалина. То есть, фактически обеспечивалось нефтепродуктами ведение боевых действий против своего союзника, хотя и в несущественном объеме [см.: 4].

Наиболее ярким примером несомненной «победы» в информационном противостоянии в ходе холодной войны являются запуски первого спутника и человека в космос. США в эту эпоху находились на более высоком уровне развития ракетно-космической техники. Так, например, на вооружении ВМС США уже состояли стратегические подводные лодки типа Джордж Вашингтон, способные осуществлять

¹ Joint Doctrine Note 1–18. Strategy. II-8. 25 April 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540 (дата обращения: 20.08.2021).

² Например: Пакт о нейтралитете между СССР и Японией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1941.html> (дата обращения: 13.11.2015).

запуск баллистических ракет из подводного положения. Подводный старт, несомненно, является на много порядков более сложной задачей, чем простой баллистический запуск. Тем не менее, правильно расставленные приоритеты информационной политики закрепили за СССР на долгие годы репутацию ведущей космической державы.

Как минимум данные примеры иллюстрируют сочетание политических, экономических, дипломатических, военных и иных усилий, которые обеспечивались интенсивной пропагандой и контрпропагандой противоборствующих сторон, для обеспечения выигрыша в противостоянии.

Какие же реальные причины вызвали в настоящее время к жизни интенсивное обращение к термину «гибридный»? Очевидно, что, во-первых и главным образом, его пропагандистской яркостью; во-вторых, относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформации организации общественной жизни, возрастающей сложности организации среды безопасности, которая соответственно привела к изменению содержания понятия «объект применения силы». Новым объектам применения силы, в свою очередь, должны соответствовать средства и способы, которые могут использоваться конкурирующими за власть акторами. Участники международных взаимодействий встали перед необходимостью менять доктрину применения силы, систему обороны государства, встраиваться в глобальные экономические связи. А все это требует значительных ресурсных затрат и их перенаправления в иные, очень часто вновь создаваемые сферы деятельности.

В процессе оценки современной среды безопасности неожиданным образом проявляются одновременно как усиление, так и, наоборот, ослабление неоднозначностей в характеристиках ее свойств, что приводит к тому, что лица, принимающие решения (далее — ЛПР), не способны действовать в новом контексте¹.

Сложность исследования проблемы «гибридности» применения силы состоит в том, что оценивать приходится не только военную составляющую национальной мощи государства-соперника, но и его возможности по мобилизации других элементов как своей национальной мощи, так и его союзников, которые также включены в глобализованную среду [5]. Если национальная военная мощь практически полностью находится под контролем государства, то иные элементы более глубоко включены в глобализированные отношения, сегментированы, распылены, замаскированы в сложной системе связей, где не может существовать гарантированной стабильности ввиду взаимодействий большого количества акторов с непостоянными интересами.

Углубление процессов глобализации, усиление экономической взаимозависимости и информационная прозрачность привели к тому, что конкурирующие акторы получили доступ к информации о действительной мощи противника и у них появилось осознание того, что существование у противника с сильной военной организацией уязвимостей в «невоенных» сферах при синхронном использовании против него широкого спектра ненасильственных средств может изменить *status quo* даже без обращения к вооруженному насилию². Более того, процессы глобализации по-

¹ В общем случае состояние свойств среды безопасности определяется акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность). См., например: Yarger H. R. Strategic Theory for the 21st Century: The Little Book on Big Strategy. Carlisle Barracks, PA: U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/> (дата обращения: 10.06.2021).

² Одна из уязвимостей сильных держав заключается в том, что они связаны режимом международного права, установленного после Второй мировой войны. Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы-«негосударства» такими обязательствами не связаны.

звolyют конкурентам использовать экономическую открытость и находиться «внутри» критичной инфраструктуры противника.

Информационная прозрачность устранила большинство препятствий для осознания ограничений для применения военной мощи, как собственной, так и противника. В то же время, последствия противоборства в иных сферах международных взаимодействий приумножают значение фактора неоднозначности для прогнозирования исходов противостояния ввиду ежесекундного изменения баланса сил и изменения структуры и масштаба экономических взаимосвязей, и появления новых акторов.

Таким образом, можно видеть, что основная полезность термина «гибридная война» заключается в описании как изменяющегося характера противоборства международных акторов с использованием различных комбинаций всех доступных элементов своей мощи, так и возможностей для «асимметричного» получения преимуществ, — без обращения к военным стратегиям «разрушения» либо «истощения» противника, которые используются при полагании, главным образом, на «военный» компонент обеспечения национальной (только для акторов-государств) безопасности.

Проблема определения предмета «гибридности» в политическом дискурсе

Проблема терминологии является одним из основных препятствий для четкого осмысления действия конструкта «гибридности» в политической конкуренции. Активное использование пропагандой определения «гибридный» в сочетании с терминами «война», «угрозы», «боевые действия в серой зоне», «операции», «тактика», «соревнование, не переходящее в состояние войны», привело к значительной запутанности в современном политическом дискурсе, поскольку данные термины практически никогда не увязаны с определением органами государственной власти желаемого для них состояния международных отношений. А если речь идет об исходе столкновения интересов акторов в соревновании или конфликте, то такое желаемое состояние «исторически» определяется термином «победа». Таким образом, определение содержания состояния «победа» является необходимой отправной точкой для начала анализа возможностей обращения к каждому из инструментов национальной мощи в «гибридном» противостоянии.

Получившее широкое распространение в политологическом дискурсе узковедомственное толкование «гибридности» применения силы, было дано в статье начальника Генерального штаба Вооруженных Сил России В. Герасимова¹, опубликованной в 2013 г. По сути, была предложена методология «отрицаемого» применения военной силы («военные меры скрытого характера») и ее информационного обеспечения. То есть статья затрагивала вопросы направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу, использования форм и способов их применения, и речь не шла о функционировании государственного механизма в целом. В соответствии с предложенной в статье В. Герасимова концепцией предлагается применять силу, не превышая порогов, за которыми следует присвоение международной ответственности, приходя к «открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успе-

¹ Герасимov В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Еженедельник «Военно-промышленный курьер». № 8 (476), 27 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://vpk-news.ru/print/articles/14632> (дата обращения: 21.05.2021).

ха в конфликте». Но, обращение к применению силы является прерогативой как отдельного государства в целом, так и их объединений — универсальных и региональных международных организаций, а не их отдельных военных структур.

Именно государствами определяются набор и масштаб использования доступных им инструментов, которые они могут использовать для обеспечения национальной безопасности. Например, «миротворчеством» (peacemaking, peacebuilding) занимаются международные институты, а вооруженные формирования государств могут быть всего лишь участниками согласованной в рамках этих международных институтов деятельности по «поддержанию и восстановлению международного мира» (peacekeeping), которые осуществляются на основе мандата международной организации, либо соглашения конфликтующих сторон.

Правовые основания действий по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности, а также формы их осуществления, определены Уставом ООН и документами «Повестка дня для мира»¹ и «Дополнение к повестке дня для мира»².

Так, например, как миротворчество (как peacemaking) нормативные источники ООН определяют «действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению, главным образом с помощью таких мирных средств, которые предусмотрены в гл. VI Устава ООН»³.

Очень часто как «миротворчество» понимают действия, определенные в нормативных документах ООН как «миростроительство» (peacebuilding) — постконфликтные «действия по выявлению и поддержке структур, которые будут склонны содействовать укреплению и упрочению мира в целях предотвращения рецидива конфликта»⁴, которые могут осуществляться также только при согласии конфликтующих сторон.

Действия по поддержанию мира (peacekeeping) в определении ООН могут быть «согласованными»⁵ — это обеспечение присутствия ООН или других организаций в данном конкретном районе с согласия всех заинтересованных сторон, которое, как правило, связано с развертыванием военного и (или) полицейского персонала, а нередко и гражданского персонала ООН; и «принудительными» — когда СБ ООН на основании гл. VII Устава уполномочивает государства-члены применять вооруженные силы для осуществления нейтрального и беспристрастного военного присутствия в районах напряженности или конфликта, в том числе и при отсутствии

¹ «Повестка дня для мира». An Agenda for Peace Preventive diplomacy, peacemaking and peacekeeping. UN Document A/47/277 — S/24111 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/A_47_277.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

² «Дополнение к повестке дня для мира». Supplement to an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations. UN Document A/50/60, S/1995/1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96F9%7D/UNRO%20S1995%201.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

³ «Повестка дня для мира», § 20. См. выше.

⁴ «Повестка дня для мира», § 21. См. выше.

К таким действиям могут относиться: соглашения, прекращающие гражданский конфликт; разоружение; репатриация беженцев; консультации и обучение персонала по обеспечению безопасности; надзор за проведением выборов; содействие усилиям по защите прав человека; реформирование или укрепление правительственных учреждений; содействие формальным и неформальным процессам политического участия; экономическое и социальное развитие; обмены в области образования и изменения учебных программ; разминирование. См. «Дополнение к повестке дня для мира», § 55–59. См. выше.

⁵ «Повестка дня для мира», § 20: обеспечение присутствия ООН или других организаций в данном конкретном районе с согласия всех заинтересованных сторон, которое, как правило, связано с развертыванием военного и (или) полицейского персонала, а нередко и гражданского персонала ООН. См. выше.

согласия всех затрагиваемых сторон, с целью выполнения ограниченного мандата для остановки агрессии или прекращения боевых действий¹.

Таким образом, действия по поддержанию мира (peacekeeping), осуществляемые как при согласии конфликтующих сторон, так и при отсутствии такового — это обеспечивающие формы применения формирований вооруженных сил государств, которые расширяют возможности международных институтов как по предотвращению конфликтов, так и в плане миротворчества и миростроительства.

Очевидным образом, использование вооруженных формирований в рамках мандатов международных институтов не может быть «скрытым». А выход действий вооруженных государственных формирований за рамки мандата международной, т.е. решения задач по поддержанию мира, т.е. для обеспечения миротворчества и миростроительства, неизбежным образом становится «нарушением мира» — международным преступлением.

Обращение к необходимости «отрицаемого» применения военной силы, конечно же, обусловлено тем, что в международном сообществе сформирована культура неприятия военной агрессии, оформленная в нормах международных правовых институтов ответственности государств и международных организаций. Субъекты международных взаимодействий, ведущие «гибридные» действия, не отрицают «в целом» своих действий именно потому, что в настоящее время аппарат международного права не предполагает международной ответственности за все способы применения силы, т.е. не за «понуждение» «политическими» средствами, а только за «принуждение» посредством военных средств. Для присвоения ответственности важны непосредственные последствия применения силы. А непосредственность последствий является очевидной лишь в тех случаях, когда агрессивное применение военной силы (регулируемое *jus ad bellum*) превышает установленные международным гуманитарным правом нормативные пороги (регулируемые *jus in bello*). Если нет нарушения мира, масштабных страданий людей, разрушения собственности, долговременного ущерба окружающей среде и т.д., то, как показывает практика, присвоения международной ответственности, как правило, не происходит. Немасштабное применение силы с неявными последствиями ее применения (например, неуничтожение живой силы и военной инфраструктуры противника, что является характерным для «обычных» военных действий) в межгосударственной практике до настоящего времени не определялось как агрессия.

Этот аспект может быть проиллюстрирован позицией Германии как государства, дважды развязывавшего мировые войны в XX в., при обсуждении Римского статута Международного уголовного суда. Было выдвинуто предположение, что «...агрессивное, крупномасштабное вооруженное нападение в явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций, направленное против территориальной целостности другого государства и явно не имеющее оправдания согласно международному праву, составляет саму суть этого преступления... [Н]еобходимо прежде всего рассмотреть те случаи, когда одно государство в буквальном смысле слова пытается «захватить» или уничтожить другое государство или по крайней мере его части с помощью сконцентрированной и хорошо подготовленной мощи всего своего военного аппарата. ...[П]редставляется, что такие случаи агрессивных, крупномасштабных вооруженных нападений, направленных против территориальной целостности другого государства и явно не имеющих оправдания согласно международному праву, имеют следующие общие характеристики:

- такие нападения имеют определенный размах и определенные масштабы и являются ужасными по своей тяжести и интенсивности;

¹ «Повестка дня для мира», § 44; «Дополнение к повестке дня для мира»: § 8–22, 34–36. См. выше.

- такие нападения обычно приводят к самым серьезным последствиям, таким, как большие потери среди людей, обширные разрушения, порабощение и эксплуатация населения в течение продолжительного периода времени;
- такие нападения обычно преследуют цели, неприемлемые для международного сообщества в целом, такие, как аннексия, массовые разрушения, уничтожение, депортация или насильственное перемещение населения государства, подвергшегося нападению, или его частей либо разграбление государства, подвергшегося нападению, включая разграбление его природных ресурсов»¹ (эти цели necessarily должны открыто признаваться нападающим государством, но могут быть выведены из соответствующих фактов и обстоятельств)» [1, с. 108–111].

Ряд насильственных действий, в соответствии с данным заявлением, должны, в принципе, оставаться за пределами преступления агрессии: «... во многих регионах мира по-прежнему существуют многочисленные конфликтные ситуации, территориальные споры или другие опасные ситуации, влекущие за собой угрозу военных действий между различными государствами. Очень часто эти неурегулированные конфликты и полные напряженности, вражды и постоянной опасности ситуации характеризуются целым рядом насильственных действий и контрдействий.

В таких ситуациях спровоцированные или неспровоцированные боевые действия продолжают время от времени вспыхивать то там, то здесь. К сожалению, многие из этих ситуаций по-прежнему связаны с угрозой применения вооруженной силы или ее применением, причем порой это происходит довольно часто.

Это может принимать форму пограничных стычек, артиллерийских перестрелок и воздушных налетов через границу, вооруженных вторжений, блокад и других аналогичных действий, влекущих за собой применение вооруженной силы... [Т]акое использование вооруженной силы, даже если оно является весьма предосудительным и должно быть подвергнуто самому решительному осуждению, не обладает теми крайне серьезными характеристиками, которыми отличаются подлинные агрессивные войны, о которых шла речь выше. Кроме того, во многих из этих конфликтов бывает довольно трудно, а может даже и невозможно точно определить, кто прав, и кто виноват в той или иной конкретной ситуации»².

Таким образом, международная практика в сфере политико-правового обоснования актов применения силы устанавливает некоторые качественные пороги для масштаба использования военной мощи. «Гибридность» же применения силы, предполагающая использование кроме «военных» также и «политических» средств ведения войны, не только не может быть должным образом квалифицирована с помощью классического аппарата международного права, но и приводит к эрозии международного нормативного режима. Более того, разрушение правового режима, как основы *status quo* международной системы, является ее главной специальной целью³.

Создаваемые скрытым применением военной силы состояния неоднозначности и неопределенности в международных отношениях не являются его ключевыми задачами. В современной информационно-прозрачной среде скрыть и отрицать последствия нападения не представляется возможным — обращение к такому способу состоит лишь в предупреждении немедленной решительной и правомерной реакции жертвы нападения посредством как силовых, так и политических инструментов. То есть речь идет о превентивном изменении баланса сил таким образом, чтобы не дать возможности жертве нападения быстро мобилизовать и согласован-

¹ Документ ООН PCNICC/2000/WGCA/DP.4, С. 3.

² Документ ООН PCNICC/2000/WGCA/DP.4, С. 4.

³ См.: Mumford, Andrew. Ambiguity in hybrid warfare. Hybrid CoE Strategic Analysis / 24. September 2020. Р. 5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/09/202009_Strategic-Analysis24-1.pdf (дата обращения: 26.05.2021).

но и синхронно применить широкий спектр элементов национальной мощи как собственных, так и союзников, к которым обращаются в случае традиционного военного противостояния, для недопущения изменения status quo. Ответственность в форме санкций правонарушителю, несомненно, будет присвоена, но политическая ситуация (баланс сил) после акта условно «неагрессивного» последовательно-пошагового использования немасштабных актов военной силы будет уже совершенно иной.

Теория политического реализма устанавливает, что «в случае отсутствия, как общности интересов, так и баланса сил, международного права не существует» [7, с. 296]. Очевидным образом, опираясь на данный постулат, можно заявить, что разрушение международного правового режима, предопределяемое невозможностью своевременного присвоения международной ответственности вследствие как скрытого применения военной силы, так и согласованного и синхронного с ним использования средств «политической» войны, приводит к изменению баланса сил.

Проблема определения содержания «победы» в «гибридной» войне

Традиционно мощь государства в международной системе определялась доступными ему ресурсами: большой территорией, населением, экономической мощью в общем смысле, наличием развитой оборонной промышленности, накопленными материальными ресурсами, и т. д. То есть это была «ресурсная» мощь. Отчасти, данный подход к оценке потенциала государства продолжает существовать и в настоящее время. Но вызовы современной глобальной экономики заставили государства перераспределять большее количество ресурсов на поддержание экономического благосостояния населения и обеспечение конкурентоспособности экономики, что негативным образом сказалось на их частной обороноспособности.

Также глобализация стала менять сущность мощи государства — она сейчас определяется его вовлеченностью в глобальные экономические отношения. Средства разрешения конфликтов стали более сложными и многомерными, сетевыми. Появились новые акторы — «негосударства», обладающие подчас гораздо большим общим влиянием, чем государства. Причем они могут иметь интересы как совпадающие, так и отличные от интересов государств, с территориями которых они связаны. В свою очередь состояние современной среды безопасности привело к увеличению количества сфер столкновения интересов акторов, сложности и динамичности конфликтов, непредсказуемости их исходов.

Объединение акторов-государств и «негосударств» для противодействия вызовам и угрозам происходит не на основе собственных ресурсов, территории и т. д., а на основе выявления совпадающих интересов. Информационная связанность и прозрачность позволяют выявлять такие интересы практически в режиме реального времени.

Таким образом, акторы, не имеющие достаточных (в традиционном для индустриального мира понимании) средств реализации власти во внешнем мире, могут усилить свою мощь за счет контроля информации о балансе сил, интересах акторов. Сетевые взаимосвязи используются как государствами, так и акторами-«негосударствами», в том числе экстремистскими и террористическими группами для усиления своей мощи. В этом случае баланс сил меняется с меньшей привязкой к геополитическим ограничениям и с большим полаганием на идеи и возможность их глобального распространения. Именно так происходят изменения в повестке дня работы системы международной безопасности и проявляются новые «гибридные» способы, которыми государства или их объединения, равно как и иные акторы, реализуют свою мощь, но не только лишь «скрытым» применением ее военного компонента.

Если ранее при обсуждении вопросов военной доктрины шел дискурс об асимметричности использования военных средств, то в настоящее время именно «гибридность» является наиболее яркой характеристикой «асимметричности» современных форм противостояния акторов, т. е. умелым использованием всего спектра средств парадигмы MIDFIELD для достижения целей в противостоянии — достижения «победы».

Сетевая и экономическая взаимосвязанность позволяет условно «слабым» акторам находить возможности для парирования мощи «сильных», например, через нанесение ущерба репутации, или провоцирование на невыгодные действия, избегая открытого военного или экономического противостояния. При этом «слабые» акторы лишены главного недостатка мощных держав — они менее инерционны в принятии решений по использованию форм и средств применения силы в любой избранной ими сфере противостояния.

Экономические последствия решения о необходимом применении силы, конечно же, учитываются, если под угрозу поставлены жизненные и важные интересы нации, например, такие как ограничение возможности обеспечивать необходимый темп экономического роста. Так, например, китайское правительство предполагает, что для недопущения чрезмерной безработицы и социальных волнений, т. е. обеспечения внутренней стабильности, ему необходимо обеспечивать темпы роста экономики до 8% в год, что естественным образом будет невозможным на фоне масштабного конфликта [6, с. 12].

Обращение к «гибридности» при движении к национальным целям в условиях высококонкурентной глобализации является неизбежным способом применения силы, так как только она позволяет обеспечивать экономический рост. Акторы должны быстро адаптироваться к изменениям свойств среды безопасности, и таким образом, чтобы избегать втягивания в масштабные и продолжительные вооруженные конфликты, — т. е. переводить конфликты в «политическую сферу». Вне зависимости от характера конфликта уничтожение сил противника уже не может быть желаемой стратегической целью, поскольку победа в лишь военном компоненте парадигмы MIDFIELD автоматически не гарантирует окончательной политической победы в международной системе, построенной вокруг концепта приоритета прав человека. Если ранее в войнах, сопровождавших существование системы сильных государств — единственных международных акторов, уничтожение сил противника приводило к стратегической победе, то в глобализованном децентрализованном мире, где государства сосуществуют с акторами-«негосударствами», такое применение силы чаще всего приводит к стратегическим потерям. Расширение возможностей по ведению конфликта для заведомо малых акторов-«негосударств» приводит к тому, что боевые действия, которые пытаются вести государства с целью уничтожения сил противника, в современных условиях превращаются для них в войну «на истощение»: заведомо менее «боеспособные» силы стремятся затянуть конфликт так, чтобы цена человеческих потерь и других ресурсов разрушила национальное единство и волю к победе их более сильного противника. А значительные потери людских ресурсов и гражданского населения, которые становятся очевидными ввиду информационной прозрачности современной среды, приводят к непризнанию победы основными международными акторами. То есть из уравнения «гибридности» исключается очень важный компонент «L» — в части правовых обязательств государства, главным образом, в сфере обеспечения прав человека: достижение победы «любой ценой» в парадигме ООН и современной культуре является неприемлемым. И такое «проседание», естественным образом, учитывается и усиливается противниками в информационном компоненте «I». «Гибридность» по своей сути увеличивает влияние гражданского населения на политическую волю, определяющую исход конфликта.

Решению на применение силы всегда должно предшествовать четкое определение политических целей, связей между ними и доступными средствами. Это необходимо для понимания того, в чем должно заключаться содержание «победы»: «над кем», «где», «когда», как долго она обеспечит желаемое состояние международных отношений, будет ли признана другими участниками международного общения, обеспечит ли она движение к национальным целям и т. д.

«Гибридность» по своей сути является формой организации деятельности государства по применению всех элементов национальной мощи во внешней среде при движении к национальным целям. Она неизбежным образом затрагивает сложную проблему вмешательства во внутренние дела противостоящих акторов-государств. Вмешательство как таковое осуществляется для изменения свойств противостоящих государств, наций и/или акторов-«негосударств» и, тем самым, для создания такой политической среды, которая позволяет достичь вмешивающемуся государству своих стратегических целей. В этом случае «гибридное» применение силы государством для вмешательства во внутренние дела противника предполагает необходимое и достаточное, синхронное и совместное, использование всех элементов собственной национальной мощи для «асимметричного» воздействия также на все элементы национальной мощи противника.

Определение предмета вмешательства во внутренние дела государств

Современный международный политико-правовой режим, в основе которого лежат положения Устава ООН, определяет, что ни одно государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела какого-либо другого государства.

Из обязанностей государств, выведенных из их общего интереса и сформулированных в ряде документов ООН¹ в эпоху противостояния ведущих держав в период холодной войны, можно выделить цели, формы и способы вмешательства в широком смысле.

Цели вмешательства: нарушение территориальной неприкосновенности, международно признанных границ, политического, социального или экономического порядка государств, свержение или изменение политической системы других государств или их правительств, порождение напряженности между двумя или более государствами или лишение народов их национальной самобытности и культурного наследия².

Формы вмешательства (совместно для *intervention* и *interference*): вооруженная интервенция, подрывная деятельность, военная оккупация или какие-либо иные формы интервенции и вмешательства, явные или скрытые, направленные против другого государства или группы государств, или любые акты военного, политиче-

¹ Проект Декларации прав и обязанностей государств (документ ООН A/RES/375(IV) [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/375%28IV%29> (дата обращения: 20.08.2021)); Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (документ ООН A/RES/2625(XXV), URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2625%20%28XXV%29>); Декларация об укреплении международной безопасности (документ ООН A/RES/2734(XXV), URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2734%20%28XXV%29>); Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета (документ ООН A/RES/2131(XX), URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2131%20%28XX%29>); Определение агрессии (документ ООН A/RES/3314(XXIX), URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/3314%20%28XXIX%29>) (дата обращения: 15.06.2021).

² Документ ООН A/RES/36/103, п. II (a); Документ ООН A/RES/2131(XX), п. 2.

ского или экономического вмешательства во внутренние дела другого государства, включая акты репрессалий с использованием силы¹.

Способы вмешательства:

- предоставление территории государства для ее использования каким-либо образом, который нарушал бы суверенитет, политическую независимость, территориальную неприкосновенность и национальное единство или нарушал политическую, экономическую и социальную стабильность другого государства²;
- осуществление любых насильственных действий, которые лишают народы, находящиеся под колониальным господством или иностранной оккупацией, их права на самоопределение, свободу и независимость³;
- осуществление любых действия или попыток в какой бы то ни было форме или под каким бы то ни было предлогом, направленных на дестабилизацию или подрыв стабильности другого государства или любого из его институтов⁴;
- содействие, поощрение или поддержка, прямо или косвенно, мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом, или какие-либо действия, направленные на нарушение единства или подрыв, или свержение политического строя других государств⁵;
- финансирование и вербовка наемников на своей территории обучения или засылки таких наемников на территорию другого государства и предоставление средств, включая финансирование, для оснащения и транзита наемников⁶;
- заключение соглашений с другими государствами, имеющих своей целью осуществление интервенции или вмешательства во внутренние и внешние дела третьих государств⁷;
- осуществление каких-либо мер, рассматриваемых в контексте конфронтации между великими державами, которые привели бы к укреплению существующих военных блоков или к созданию или укреплению новых военных союзов, договоренностей о взаимных обязательствах, развертыванию интервенционистских сил или созданию военных баз и других связанных с ними военных сооружений⁸;
- осуществление любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств⁹;
- осуществление любых мер в своих международных отношениях в экономической, социальной, технической и торговой областях, которые в нарушение Устава ООН могут представлять собой применение силы или вмешательство во внутренние или внешние дела другого государства, препятствуя ему тем самым свободно определять свое политическое, экономическое и социальное развитие путем:
- использования программ внешней экономической помощи;
- осуществления многосторонних или односторонних экономических репрессалий или блокад;
- использования транснациональных или многонациональных корпораций, находящихся под его юрисдикцией или контролем, в качестве средств политического давления или принуждения против другого государства¹⁰;

¹ Документ ООН A/RES/36/103. См. выше, п. II (с).

² Там же, п. II (b).

³ Там же, п. II (d).

⁴ Там же, п. II (e).

⁵ Там же, п. II (f).

⁶ Там же, п. II (g).

⁷ Там же, п. II (h).

⁸ Там же, п. II (i).

⁹ Там же, п. II (j).

¹⁰ Там же, п. II (k).

- использование или искажение вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств¹;
- использование практики терроризма в качестве государственной политики против других государств или против народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов, в том числе, недопущение предоставления какой-либо помощи, использование или проявление терпимости в отношении террористических групп, саботажников или лиц, ведущих подрывную деятельность против третьих государств²;
- организация, обучение, финансирование или вооружение политических и этнических групп на своих территориях или территориях других государств с целью осуществления подрывной деятельности, создания беспорядков или волнений в других странах³;
- осуществление любой экономической, политической или военной деятельности на территории другого государства без его согласия⁴.

Классификация целей, форм и способов вмешательства, несмотря на то что она была осуществлена на базе толкования норм Устава ООН, характерного для «индустриальной» эпохи, сохраняет свою актуальность для квалификации «гибридного» применения силы в эпоху «сетевой», т. е. глобализованной, организации мирового сообщества.

Парадигма ООН, ориентированная на обеспечение прав человека, получила признание не немедленно после принятия Устава ООН. Формирование практики присвоения международной ответственности и развитие обеспечивающих ее международных институтов происходило постепенно и, в конечном итоге, привело к такому состоянию международной среды безопасности, которое сделало обращение к «гибридности» для продвижения национальных интересов в процессе политической конкуренции за власть социальных групп или отдельных лиц с несовпадающими интересами неизбежным. Обращение к военным средствам разрешения противоречий (intervention), как правило, приводит к присвоению международной ответственности. В то же время, большее полагание на различные формы сочетания «несиловых» — «политических» средств противоборства (interference) при вмешательстве во внутренние дела государств, не вызывает немедленного и масштабного отторжения.

Литература

1. Коростелёв С. В. Политическая легитимация актов применения силы в международных отношениях : дис. ... д-ра полит. наук. Специальность 23.00.04: Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. СПб., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
2. Коростелёв С. В. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права. Юридические формы переживания истории: практики и пределы : монография / под ред. С. В. Бочкарева. СПб. : Астерион, 2020. 694 с.
3. Коростелёв С. В., Качук В. Н. Некоторые аспекты влияния статуса нейтральности на торговые отношения государств // Вестник ИНЖЭКОНА. Сер. Экономика. 2011. № 3(46). С. 218–221.
4. Шалкус Г. А. Создание и деятельность японских концессий на северном Сахалине в 1925–1944 гг. // Сибирский торгово-экономический журнал. 2008. № 7. С. 87–91.

¹ Там же, п. II (l).

² Там же, п. II (m); Документ ООН A/RES/2131(XX), п. 2.

³ Документ ООН A/RES/36/103. См. выше, п. II (n).

⁴ Там же, п. II (o).

5. Cullen P. J., Reichborn-Kjennerud E. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.
6. Harp James F. The Evolution of the Trinity: A 21st Century "Hybrid" War Theory. USAWC STRATEGY RESEARCH PROJECT. 2011. 36 p.
7. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 ed. New York : McGraw-Hill, 1985.
8. Wigg R. Churchill and Spain: the Survival of the Franco Regime, 1940–45. Portland, Or. : Sussex Academic Press/ISBS, 2008.

Об авторе:

Коростелев Станислав Валентинович, Ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Korostelev S. V. Political legitimization of acts of the use of force in international relations: Doctoral dissertation. SPb., 2021 [Electronic source]. URL: https://disser.spbu.ru/files/2021/disser_korostelev.pdf (accessed: 23.09.2021). (In Rus).
2. Korostelev S. V. The influence of the properties of the modern security environment on the determination of the content of the "victory" phenomenon and the possibility of applying international humanitarian law. Legal forms of experience of history: practices and limits: monograph / ed. by S. V. Bochkaev. SPb. : Asterion, 2020. 694 p. (In Rus).
3. Korostelev S. V., Kachuk V. N. Some aspects of the impact of neutrality status on trade relations of states // Vestnik INGEKONA. Ser. Economics. 2011. N 3 (46). P. 218–221. (In Rus).
4. Shalkus G. A. Creation and activity of Japanese concessions in northern Sakhalin in 1925–1944 // Siberian Trade and Economic Journal [Sibirskii trgovno-ekonomicheskii zhurnal]. 2008. N 7. P. 87–91. (In Rus).
5. Cullen P. J., Reichborn-Kjennerud E. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.
6. Harp James F. The Evolution of the Trinity: A 21st Century "Hybrid" War Theory. USAWC STRATEGY RESEARCH PROJECT. 2011. 36 p.
7. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6 ed. New York : McGraw-Hill, 1985.
8. Wigg R. Churchill and Spain: the Survival of the Franco Regime, 1940–45. Portland, Or. : Sussex Academic Press/ISBS, 2008.

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru